

¹ Николаев Д. «История одного города» и проблема сатирического гротеска // Вопросы литературы. 1971. № 2. С. 71.

² Озмитель Е. К. Мастерство сатиры Маяковского: 1917—1921 гг. // Уч. зап. Киргизского ун-та. 1957. Вып. 4. С. 39.

³ Смирнов-Несвицкий Ю. Зрелище необычайное: Маяковский и театр. Л., 1975.

⁴ См.: Волькенштейн В. Опыт мистера Вэбба. Пронсшествие в трех представлениях. (Машинописный текст хранится в Центральной научной библиотеке Всесоюзного театрального общества. Цитаты даны по машинописному тексту.)

⁵ См.: Селезнев Ф. Местничество «героев» // Факел. Нижний Новгород. 1919. № 1. Цитаты с указанием страниц даются по этому изданию.

⁶ См.: Серафимович А. С. Именины в 1919 году // Собр. соч. М., 1948. Т. 8.

⁷ Там же. С. 440.

⁸ Г. В. «Советский сундучок» и «Работяга Словотеков» // Красная газета. 1920. 20 июня. С. 4.

⁹ См.: Чадаев В. Из-за деревьев леса не видящие // Там же. С. 2.

¹⁰ Горький М. Пьесы и сценарии. М., 1941. С. 154. Цитаты с указанием страниц сценария «Работяга Словотеков» даются по этому изданию.

¹¹ Луначарский А. В. О театре и драматургии. М., 1958. Т. 1. С. 533.

Л. И. МУРЗИЧ

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ КАК ТЕОРЕТИК ФАНТАСТИКИ

Деятельность В. Я. Брюсова, самого культурного, по мнению М. Горького, писателя на Руси, многогранна. Неутомимый труженик, он много работал в разных жанрах литературы, экспериментировал и искал не только как прозаик и поэт, но и как переводчик, литературовед, критик. В течение всей жизни Брюсов много и плодотворно трудился в области научной фантастики: им написан научно-фантастический роман «Гора Звезды», пьесы «Диктатор», «Пирознт», «Мир семи поколений», «Земля», научно-фантастический рассказ-памфлет «Не воскрешайте меня!» и другие. Создавая научно-фантастические произведения, В. Брюсов выступал и со статьями, в которых поднимал вопросы, связанные с выяснением специфики этой литературы. Примечательно, что о научной фантастике, о роли фантастического писателя размышлял не только в посвященных ей статьях, но и в работах, где речь идет о тайнах творческого процесса, о художественном мастерстве, символизме, об условности в искусстве, об историческом романе. В. Брюсов высказывал довольно смелые теоретические предположения.

Непосредственно о научной фантастике В. Брюсовым написана статья «Пределы фантазии» (1910). Она не была напечатана, рукопись хранится в ГБЛ¹. В. Брюсов стремился осмыслить приемы, которые можно использовать, «чтобы изобразить явления фантастические: 1) Изобразить иной мир — не тот, где мы живем. 2) Ввести в наш мир существо иного мира. 3) Изменить условия нашего мира».

Эти и иные положения В. Брюсова стали аксиомами фантастоведения. Знакомство с брюсовской фантастикой позволяет увидеть, как использовал названные приемы сам писатель. Так, в произведениях о космосе он изобразил иные миры (пьеса «Мир семи поколений»), в романе «Гора Звезды» использован второй прием — в нашу жизнь введено существо иного мира. И третий прием — изменение условий земной жизни — также находит отражение в его произведениях. Наш мир он изменял, проецируя на будущее (пьеса «Земля», рассказ «Республика Южного Креста»).

В этой же статье В. Брюсов размышлял о месте действия в фантастическом произведении. События, описанные фантастом, могут происходить на земле, в океане, в воздухе. Заметим, что писатель не отправлял своих героев, как это делали отдельные фантасты того времени, на необитаемые острова, в недра земли. Брюсова привлекали иные миры, поэтому его герой часто действовал на другой планете.

Статья «Пределы фантазии» свидетельствует не только о желании разобраться в специфике фантастики; писатель стремился понять, как использовали фантастику другие авторы, такие, как Кампанелла, Сирано де Бержерак, Эдгар По. Особенно высоко ценил Брюсов произведения последнего, называя его «родоначальником всей новой фантастики». Ценность рассказов Эдгара По он видел в умении автора строить свои фантастические допущения на научной основе.

Понятие «фантастическое» в представлении В. Брюсова имеет синонимы: необычное, таинственное, загадочное, невероятное. Исходя из таких позиций,

он истолковывал произведения Эдгара По, которого назвал «великим чародеем слова», умеющим убедить читателя в правдоподобию изображаемого. Так, на примере рассказа «Манускрипт, найденный в бутылке» Брюсов доказал, что происшествия, совершенно невероятные, приобретают под пером автора убедительность. Он рассмотрел приемы, которыми пользовался Эдгар По при создании правдоподобных картин: названы детали, взятые писателем из действительности, отмечен стиль, который способствует тому, что начинаешь «верить рассказчику». Создавать иллюзию реальности, замечает В. Брюсов, американскому писателю помогала его исключительная начитанность, его знания. В некоторых рассказах Эдгар По стремился расширить пределы науки. И, как верно заметил В. Брюсов, научная обоснованность фантастических допущений делает эти рассказы убедительными, что позволяет назвать его фантастику логической.

Интересные мысли высказал В. Брюсов о героях произведений Эдгара По. Он выделил два типа его героев: «человек исключительной духовной восприимчивости». Такие герои действуют и на страницах брюсовской фантастики: с одной стороны — рационалисты, мыслители, с другой — люди «исключительной духовной восприимчивости», чаще с большой психикой. Становится ясным, почему автор объединил произведения о будущем с рассказами об «исковерканных душах» в сборник «Земная ось» (здесь явно ощущается влияние Эдгара По). Таким образом, фантастическими Брюсов называет также произведения, где действуют герои с «исключительной духовной восприимчивостью», рассказы, где внимание автора сосредоточено на внутреннем мире человека. Человеческая душа — загадка, разговор о ней — результат воображения писателя, он вымышленный, фантастический. Заметим, что фантастическое в таких произведениях часто подавалось без мотивировок, однако преподносилось это очень убедительно. В. Брюсов учился у Эдгара По умению строить сюжеты и создавать картины достоверности.

Особый интерес представляет статья «Карл V. Диалог о реализме в искусстве» (опубликована в журнале «Золотое руно» в 1906 году). Написанная в форме диалога, она отличалась полемической заостренностью, здесь были подняты «наиболее жгучие вопросы искусства», в том числе и вопрос о фантастическом. Точка зрения В. Брюсова совпадает с высказываниями Автора, от имени которого написана статья. Он выступает против вымысла ради вымысла, против мистики: «Я вовсе не прочь читать между строк. Но я требую, чтобы затаенное там действительно стоило того, чтобы его прочесть»². Различая реализм и нереалистические системы, Брюсов и в последних видел элемент правдивости. По мнению Автора, цель настоящего искусства в том, чтобы воспроизвести правду жизни. Способы отражения могут быть различны. Автор утверждает: «Художник не может сделать большего, как верно воспроизвести действительность, хотя бы и в новых, фантастических сочетаниях ее элементов». А далее следует наказ быть правдивым в искусстве: «Старайся быть правдивым в творчестве — вот вечный и единый завет поэту: правдивым и в замысле своего произведения, и в его отдельных частях, и в каждом образе, и в каждом выражении, ищи лишь этого, пытай у души своей лишь одного: где правда»³. В. Брюсов ратует за реалистическое отражение действительности, при этом он не отрицает и «новых, фантастических сочетаний ее элементов», еще признает влияние символизма, который в свое время привлек его внимание уже тем, что представлял большие возможности для создания новых форм. Однако, признавая фантазию, он выступал против чрезмерного фантазирования, против ухода из мира реального. Брюсов всегда ценил мечту, стремился заглянуть в завтрашний день, был ясновидцем и пророком, но не принимал мистику и «безудержную фантастику» русских символистов, отрицавших реалистическое искусство, уводящих читателя в «иноебытие». «После победы, — писал он в своей книге «Далекие и близкие», — стали виднее те опасности, к которым ведет безудержная фантастика»⁴.

Иное направление имел доклад «Испепеленный» (апрель 1909), посвященный Н. В. Гоголю, которого Брюсов называет фантастом. Трактовка Гоголя как романтика и фантаста была дана еще Ап. Григорьевым. Эту точку зрения разделяли и многие русские символисты. Называя Гоголя фантастом, Брюсов стремился подчеркнуть оторванность писателя от действительности. Вряд ли можно согласиться с ним, что «как и фантастические повести Гоголя, так и его реалистические поэмы — равно создания мечтателя, уединенного в своем воображении», и что писатель не владел собой, когда рисовал свои фантастические картины. Он «всегда в своем творчестве оставался мечтателем, фантастом и, в сущности, воплощал в своих произведениях толь-

ко идеальный мир своих видений»⁵. В докладе настойчиво проводится мысль о том, что основной чертой гоголевского видения и изображения жизни было стремление к преувеличению, к гиперболе. Брюсов верно заметил: «Реальное от фантастического не отделено ничем в созданиях Гоголя, и невозможное в них каждую минуту способно стать возможным»⁶. Как мы уже говорили, понимание Брюсовым роли Гоголя в русской литературе было близко взглядам русских символистов, однако он, в отличие от Д. Мережковского, не видел в Гоголе мистика.

При всей субъективности, спорности многих положений доклад Брюсова интересен уже тем, что о Гоголе говорит фантаст и символист Брюсов, который предвосхитил дальнейшее осмысление его произведений (о фантастике Гоголя позднее писали Ю. Манн, О. Дилакторская, Г. Фридендер и др.).

Таким образом, и в теории фантастики Брюсов сказал свое слово. Анализ его статей позволяет сделать вывод о том, как многогранно в его представлении фантастическое. Следует отметить стремление писателя рассматривать искусство как познавательную систему, отсюда исходят его размышления о роли науки в фантастике. На примере произведений Эдгара По Брюсов показал, как наука помогала ему создавать «иллюзию реальности». Однако далеко не всегда фантастика основывается на науке. Эту мысль Брюсов убедительно обосновал анализом творчества Н. В. Гоголя, которому, как и Ф. М. Достоевскому, фантастические картины помогали передать «фантастичность» самой действительности.

Дифференциации понятий «научная фантастика» и «фантастическое» в работах и размышлениях В. Брюсова нет, но именно он своим творчеством заложил основы русской научной фантастики, которая уже на рубеже веков стремилась доказать право на самостоятельное бытие.

Несомненно, Брюсов обладал свойствами, столь необходимыми теоретику: громадным запасом знаний, концептуальностью мышления. Мы вправе назвать его первым теоретиком русской фантастики, так как уже в начале XX века он смог предвосхитить многие последующие суждения о ней. Отдельные же противоречия в размышлениях Брюсова объясняются самой эпохой, сложной и противоречивой, оказавшей влияние на мировоззрение этого писателя.

¹ ГБЛ. Ф. 386, оп. 53, ед. хр. 5.

² Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 125.

³ Там же. С. 127.

⁴ Брюсов В. Далекие и близкие. М., 1912. С. 145.

⁵ Брюсов В. Собр. соч. Т. 6. С. 136.

⁶ Там же. С. 141.

И. В. ЛОЗОВСКАЯ

ПРОБЛЕМАТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГЕНРИ ДЖЕЙМСА

В творчестве Г. Джеймса можно выделить три основные разновидности жанра романа: *Künstlerroman* (роман или повесть о творческой личности — «Трагическая муза», «Урок мастера», «Узор ковра»); «международный» роман (взаимоотношения Старого и Нового Света — «Американец», «Золотая чаша», «Европейцы», «Женский портрет», «Крылья голубки», «Послы»); женский роман («Дейзи Миллер», «Женский портрет», «Вашингтонская площадь», «Золотая чаша», «Крылья голубки»).

Еще в молодости Г. Джеймс осознал свое призвание литератора, ибо искусство имело для него абсолютное значение. Утверждение декадентской эстетики девяностых годов прошлого столетия о том, что природа есть подражание искусству (О. Уайльд), Г. Джеймс перенес на понимание истории и жизни, которые, по его мнению, являясь источником творчества, высшей формы своего существования достигают только в искусстве. В 1915 году он объяснял Герберту Уэллсу, что литература «создает жизнь, создает интерес, создает смысл... И я не знаю ничего, что было бы сильнее и прекраснее этого процесса»¹. Эти слова, произнесенные за год до смерти, совершенно точно определяют его взгляды. Заурядность личного опыта (судьба Г. Джеймса была небогата событиями и переживаниями, текла ровно и размеренно) и сложный мир, созданный писателем в книгах, свидетельствуют о том, что большая часть его жизни воплотилась не в быту, не в отношениях с людьми, а в характерах его персонажей.